

**«Провинциальное потомственное дворянство» Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв.: понятие и методика определения его численности.
(на примере Рязанской губернии).**

Е.С. Корчмина

Изучение истории дворянства Российской империи в последнее время находится в сфере научных интересов значительного числа историков, в первую очередь исследователей провинции. В связи с этим приобретает особое значение определение самого понятия «дворянство». При кажущейся очевидности термин требует ряд уточнений. Существенным является неоднородность дворянства как социальной группы. Дворянство делилось на потомственное и личное, столичное и провинциальное. Каждая из групп имела свои особенности. В данной работе речь пойдет о провинциальном потомственном дворянстве, которое являлось базой для всей системы государственного управления, принимая во внимание тот факт, что только потомственные дворяне имели право принимать участие в дворянских выборах, в процессе которых формировался весь управленческий аппарат губернии.

Методологические вопросы изучения дворянства не являлись темой отдельного исследования, историки решают их в ходе своей практической работы. Но на данный момент уже накоплен значительный материал по разным губерниям, который все чаще требует адекватного сопоставления. В этих условиях важно понимать, как получены цифры, отражающие изменения базовых характеристик социальной группы: численность, социально-экономическое положение, половозрастные характеристики. Это, в свою очередь, во многом зависит от используемых источников: родословных книг, различных списков, составленных предводителями дворянства, ревизских сказок, статистических сведений, собранных в середине XIX в. Этот список нельзя назвать конечным, т.к. механизм учета привилегированного сословия в России не был единообразен на всей территории империи. Важно помнить, что даже сама дворянская корпорация с трудом

могла собрать сведения о своей численности. В 1829 г. исполняющий должность Рязанского губернского предводителя дворянства подполковник Н.М. Чеботаев сообщал министру финансов, что депутатское собрание не может предоставить сведения о численности дворянства губернии, и просил обратиться за информацией к губернатору. Хотя родословная книга велась с 1788 г., «но ... с того времени многие уже померли, а иные выбыли на жительство в другие губернии, о каковой убыли ... дворянское собрание сведений не имеет. О личных дворянах равно и женский пол дворян наследственных, по существующим узаконениям в родословную книгу не вносятся»[1].

Оценим каждый из указанных источников на предмет информации, которую можно из него извлечь и тех трудностей, с которыми при этом может столкнуться исследователь.

Родословные книги начали создаваться в результате принятия Жалованной грамоты дворянству 1785 г. и должны были являться ключевым документом для включения дворянина в губернскую дворянскую корпорацию (п. 69 Жалованной грамоты дворянству 1785 г.). Следовательно, по закону это был основной источник учета потомственных дворян. При внесении в родословную книгу указывался возраст, чин дворянина, имущество, должность или сведения о службе, информация о семейном положении, впоследствии вписывались дети, родословная, сведения о гербе. На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. родоказателями в 99 % случаев были мужчины. В целом источник представляется достаточно информативным и для определения общей численности потомственного дворянства, и для выявления качественных характеристик этой социальной группы. Учитывая, что родословная книга состояла из 6 частей (в зависимости от способа получения дворянского достоинства), то можно отдельно проследить пути формирования дворянской корпорации. Историки неоднократно использовали эту методику для изучения дворянства.

Совпали ли стремления законодателя и практика составления родословных книг?

Материалы по Рязанской губернии свидетельствуют, что нет (и нет оснований считать,

что по другим губерниям ситуация была принципиально иной). Разница в численности дворян по спискам «наследственных» дворян, составляемых местными властями, и дворянской родословной книги Рязанской губернии была значительной, составляя по отдельным уездам около 30 %.

Таблица 1.

Ведомость о числе потомственных дворян Рязанской губернии в 1849 г.[2]

Название уезда	Потомственные дворяне, внесенные в ДРК Рязанской губернии		Потомственные дворяне, внесенные в ДРК не Рязанской губернии		Потомственные дворяне, не внесенные в ДРК		Всего потомственных дворян	
	главы семейств	родств енники	главы семейств	Родстве нники	главы семейств	Родстве нники	Внесен ных в ДРК	Не внесенны х в ДРК
Данковск ий	46	13 + 21 не внес.	6		5	2	65	28
Зарайски й	104	86	3	1			194	
Касимовс кий	5	7 +2 не внес.	2	2	4	2	16	8
Пронский	145	49 +54 не внес	4	3+ 3 не внес	18	12	201	87

Раненбургский	36	15	6	3	3	15	60	18
---------------	----	----	---	---	---	----	----	----

Таким образом, дворянские родословные книги не включали значительную часть потомственных дворян губернии, что необходимо учитывать при дальнейшем анализе.

Дополнительная трудность заключается в несоответствиях между фактом внесения в родословную книгу губернии и владением имением в этой же губернии. Здесь возможны различные варианты:

А) внесение в родословные книги нескольких губерний - владение имением в одной из них – проживание в одной губерний;

Б) внесение в родословную книгу одной губернии – владение имением в другой – проживание в третьей (например, столичной) губернии;

В) внесение в родословную книгу той губернии, где было имение и т.д.

Кого в этом случае включать в состав местной провинциальной дворянской корпорации, а кого нет? А главное, из каких источников можно получить эти данные. Очевидно, что современников эта информация интересовала незначительно. Так, например, только в одном уезде Рязанской губернии (Сапожковском) была составлена ведомость, в которой указывалось что из 167 глав семейств[3] 17 дворян (10 %) не проживали в уезде. Но подобные списки с указанием непроживающих дворян на территории губернии встречаются крайне редко.

Второй источник, который можно и нужно использовать для выявления количественных характеристик потомственного дворянства – это списки дворян, которые составлялись, как правило, на местах уездными предводителями или председателями уездных судов для губернатора, министерства внутренних дел при решении конкретных вопросов или для проведения выборов.

Так, для Рязанской губернии на исследуемый период выявлено несколько подобных списков-ведомостей о численности дворян за 1820 г. (1824 г.), 1836 г.[4] и определенное количество списков разной степени полноты, составленных для дворянских выборов[5].

Рассмотрим два первых из указанных списков. Так, 19 июля 1820 г. была составлена ведомость о количестве дворян по уездам за подписью Рязанского губернского предводителя дворянства[6]. В этом документе была собрана информация о числе служащих, неслужащих и малолетних дворян мужского пола, а также о числе дворянок, проживавших в уезде. Спустя 4 года был составлен новый список по отдельным уездам (Зарайский, Ряжский, Рязанский, Спасский, Егорьевский Скопинский). Данные 1824 г. по отдельным уездам (Зарайскому, Ряжскому, Рязанскому и Спасскому) заметно отличались от данных 1820 г. Так, в 1820 г. в Зарайском уезде проживал 761 дворянин, а в 1824 г. их число сократилось до 274 человек. В 1820 г. в Спасском уезде проживало 97 дворян, а в 1824 – 490 дворян. Чем вызваны подобные изменения? Изменения, вызванные естественным приростом дворянского населения за 4 года, исключены, т.к. по сведениям В.М. Кабузана и С.М. Троицкого, прирост дворянского населения по центральному региону был не велик[7]. Данными о событиях, которые могли повлиять на столь резкое изменение численности дворян, мы не располагаем. У нас нет оснований, считать, что обе цифры за 1820 г. и за 1824 г., отражают реальную картину. Проанализировав динамику изменения численности по всем уездам Рязанской губернии в первой половине XIX в. мы стали принимать за правильные следующие цифры: по Рязанскому уезду – 1555 дворян (данные 1820 г.), по Ряжскому – 1250 дворян (данные 1824 г.) По другим уездам сделать однозначный вывод сложно[8].

Несмотря на каузальный характер данного вида источника и сложности определения истинных цифр, комплексное привлечение этого источника помогает определять, как общую численность дворянства, так и отдельных характеристик социальной группы.

Отдельно скажем несколько слов о ревизских сказках. Они дают наиболее полную картину экономического положения дворянства, но только тех дворян, кто владел хоть каким-нибудь имуществом. Но число безземельных дворян увеличивалось к середине XIX столетия, поэтому многие дворяне не попадали в эту систему учета. При обработке этого источника можно получить комплексную характеристику дворянства, но нет возможностей определить, кто из дворян, имевших землю в губернии, действительно был вписан в дворянскую корпорацию, а кто нет. Таким образом, вырисовывается общая картина без понимания истинных движений в региональной дворянской корпорации.

Для Рязанской губернии обработка окладных книг ревизских сказок была проведена ещё в конце XIX в. историком А.Д. Повалишиным [9].

Четвертым источником сведений о дворянстве можно считать статистические сведения и собранные и опубликованные во второй половине XIX в., для Рязанской губернии - это материалы М. Барановича на 1858 г. и материалы П. Кеппена на 1850 г. [10]

По сведениям М. Барановича в 1858 г. численность потомственных дворян равнялась 8226 чел., а по данным П. Кеппена в 1850 г. в Рязанской губернии проживал 3 851 потомственный дворянин и 1085 человек личных дворян. В первом случае учитывались дворяне обоего пола. П. Кеппен собирал сведения на основе «перечневых ведомостей казенных палат за вторую половину 1851 г.», где не были учтены женщины. Число женщин-дворянок к концу первой половины XIX в. стало чуть превосходить количество мужчин, т.е. к 3 851 чел. надо добавить ещё чуть больше 4000 чел., и получится около 8 000 чел., что сопоставимо с данными М. Барановича.

Таким образом, для определения численности и выявления других характеристик дворянства необходимо использовать комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников. Использование этого метода позволило определить динамику изменения общей численности потомственных дворян Рязанской губернии в первой половине XIX в., которая изменялась волнообразно. До 1830-х гг. количество потомственного

дворянства росло в абсолютном и относительном выражении. Так, к 1836 г. число потомственных дворян Рязанской губернии достигло 11 тыс. человек обоего пола. После 1830-х гг. наблюдается снижение численности и доли дворянского населения в губернии. В 1858 г. численность потомственного дворянства снизилась до 8,2 тыс. человек. Одновременно на протяжении всей первой половины XIX в. постепенно увеличивалась доля женщин-дворянок относительно доли мужчин-дворян, и к 1858 г. составила 52 % и 48 % соответственно. Причины изменения численности дворянства, на наш взгляд, лежат в сфере правительственной политики, которая с приходом к власти Николая I была направлена на сокращение возможностей получения потомственного дворянства.

При этом в данном случае важным является вопрос: кого включать в состав дворянской корпорации: потомственных и личных дворян или и тех, и других, кто имел имения или только был включен в родословные книги и т.д. Если в каждом конкретном исследователе не будет очерчивать границы самого понятия, то вскоре станет невозможным сопоставление сведений по разным губерниям. Не менее сложно будет опираться на работы региональных исследователей тогда, когда в каждом конкретном случае в понятие «региональное дворянство» будет вкладываться свой смысл.

Предполагаем, что в состав потомственных дворян определенной региональной корпорации стоит включать не только тех дворян, кто был внесен в родословную книгу губернии, но и имел землю и крепостных на территории этой губернии. Но это подчас будет приводить к «дублированию» дворян, для того, чтобы избежать этого, необходимо составить единую базу данных дворян Российской империи, что современные технологии вполне позволяют сделать.

Список использованных источников и литературы:

1. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 98. Оп. 44. Д. 49. Л. 3.
2. ГАРО. Ф. 5. Оп. 2 Д. 602.
3. ГАРО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 81.

4. ГАРО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 19. Л. 2. ; Л. 5 – 22. ; Д. 1926
5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 3. Кн. 25. 1806 г. Д. 1; Оп. 4 а. Кн. 54. 1812 г. Д. 368; Оп. 4 б. Кн. 28. 1816 г. Д. 245; Оп. 4 б. Кн. 42. 1817 г. Д. 205; ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 546; 1231; 1853; 3130; Ф. 99. Оп. 1. Д. 108, 176; ГАРО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 73. Л. 37 об., 92.
6. ГАРО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
7. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782-1858 гг. // История СССР. - 1971. - № 4. - С. 153 – 168.
8. Например, в Спасском уезде в 1824 г. численность потомственного дворянства равнялась 490 чел., в 1836 г. возросла до 735 чел., в к 1858 г. достигла 821 чел. Подобный «рост» может отражать как проблемы в сборе начальных сведений, так и мобильность дворянского населения.
9. Повалишин А.Д. Рязанские помещики и их крепостные: Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии / реп. изд. - Рязань: Издательство РГПУ, 1995.
10. Баранович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба Рязанской губернии. – СПб. : тов-во Общественная польза, 1860. ; Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году. – СПб. : Императорская Академия наук, 1857.